

Кадетское письмо

№ 106. Буэнос-Айрес, сентябрь 2018. XXIII год издания.

Семьдесят лет в Аргентине

В сентябре сего 1918 года исполняются 70 лет со дня моего прибытия в Аргентину. Подавляющее большинство русских императорских и зарубежных кадет, состоявших в Аргентинском кадетском объединении, тоже прибыли в Аргентину в том-же 1948 году, или на год раньше или на год позже. Кадетское Объединение в Аргентине было учреждено на общем собрании кадет в конце 1949 года. Я прибыл в Аргентину на итальянском пароходе «Олимпия» из итальянского порта Генуя, кажется, 12 сентября 1948 года, в составе группы приблизительно в 500 русских эмигрантов, вместе с моей матерью, Надеждой Леонардовной, урожденной Верженской, моими двумя младшими сёстрами Людмилой и Еленой и моим младшим братом Олегом. Сорок дней до этого, в Мюнхене, 31 июля, мне исполнился 21 год.

Мою краткую биографию на русском языке я несколько лет тому назад поместил на моем личном блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar/>

«Перемещенные лица» в Американской зоне Германии

Как я уже описал в моей автобиографической справке, конец Второй Мировой войны нас застал в баварском местечке Бухлое, 70 км. на юго-запад от Мюнхена, куда мы (моя мать, я, мои сёстры и мой брат) прибыли за два дня до прихода туда североамериканских войск. Вблизи этого городка находился средних размеров лагерь советских военнопленных и маленький концентрационный лагерь, в котором были заключены главным образом поляки и евреи из Польши. Сразу же после прихода американских войск, освобождённые узники этих лагерей разбрелись по соседним городам, в том числе некоторые из них оказались и в Бухлое.

Тогда вскоре прошла волна слухов, что советское НКВД вылавливает бывших советских военнопленных, для «добровольной репатриации» в СССР. По улицам некоторых баварских городков стали ходить военные патрули, состоявшие из двух американских военных и одного энкаведиста в советской форме. Они вылавливали на улицах бывших военнопленных красноармейцев и отводили их в специальные лагеря для «возвращенцев».

По некоторым серьезным данным, во время войны в немецком плену оказалось около пяти с половиной миллионов красноармейцев, из которых около трёх миллионов погибло в немецком плену по разным причинам, но главным образом от голода, так что к концу войны в Германии еще оставалось около двух с половиной миллионов бывших военнопленных красноармейцев. Все они были случайно выжившими свидетелями и жертвами этого колоссального геноцида, о котором никто не хочет говорить, по разным причинам. Эти

жертвы стали важным психологическим козырем в дальнейшей войне, ибо после этого геноцида уже больше никто не хотел никоим образом попадать в плен к немцам.

Они также были свидетелями, и об этом неустанно говорили, что военнопленные всех других воевавших с немцами стран получали во время войны один или два раза в месяц посылки от Международного красного креста, что им помогало выживать в немецком плену. Они же не получали ничего, ибо советская власть не хотела подписать Женевские конвенции о военнопленных. Это тоже повлияло на их категорический антикоммунизм и их враждебность по отношению к советской власти. Многих из них спасло то обстоятельство, что немецкие войска терпели большие уронь, и командиры некоторых немецких частей вблизи фронта употребляли советских военнопленных в качестве водителей, санитаров и других подобных помощников, взамен за краюху хлеба. Со временем, многих из них переодели в немецкую форму по разным соображениям. Другие же были отправлены на работу в Германию, как разные специалисты. После войны часть этих бывших военнопленных вернулась на Родину, а часть решила остаться за границей. РПЦЗ и вся старая русская эмиграция, приняла в свою среду этих выживших жертв этого ужасного геноцида с христианской и русской любовью, без какой-либо дискриминации.

Сразу после конца войны прошел слух, что в соседнем Кауфбойрене открыт, с разрешения военных властей США, украинский комитет, который выдает личные документы. С этими документами, мол, не будет затруднений с оккупационными властями. Почти все иностранцы в Бухлое тогда ринулись в Кауфбойрен, в том числе и я, на всякий случай. Я тогда получил документ с моей фотографией, на английском языке, утверждающий, что я украинец. С ним я мог разъезжать по американской зоне Германии, что было весьма важно. Я его сохраняю до сих пор.

Вскоре по всей американской оккупационной зоне была организована военными властями проверка всех иностранцев, для определения кто является военным беженцем, то есть официально «перемещенным лицом», согласно определению ООН. Этим занималась какая-то спец-служба. К нам в Бухлое прибыл на целый день один полковник канадской военной разведки, в сопровождении переводчика румына, чтобы лично допросить всех проживающих в этом городе иностранцев. В Бухлое тогда оставалось около ста иностранных беженцев: 1 румын, 1 итальянец, 1 латышь, 1 югославянин, несколько поляков. Все остальные были «украинцы». Евреи образовывали отдельную группу. Нужно сказать, что между иностранцами тогда в Германии были хорошие и даже дружественные отношения, доходяще до значительной взаимопомощи, без никаких дискриминаций. Проверялись все, включая детей старше 12 лет. Кто удачно проходил эту проверку, которая называлась «скрининг», официально получал статус «перемещенного лица», или ДП («*Ду Пу*», от *Displaced person*). Этот статус позволял нам также получить от немецких властей немецкий внутренний паспорт, так называемую «Кеннкарте», в котором были указаны наши гражданство и вероисповедание, в случае моей семьи: бесподданные и греко-православные. Также отмечалось в этом документе, что мы прошли проверку и что мы не нацисты.

Так мы получили право получать двухнедельный паёк еды, что было очень важно, ибо в Германии тогда не было ничего в свободной продаже. Все живущие в Бухлое иностранцы тогда были зарегистрированы как члены одного лагеря, хотя такой физически не существовал. Американские власти в большинстве случаев назначали начальниками таких «лагерей» прибалтов, якобы потому что они говорили на трёх тогда официальных языках: английском, немецком и русском и понимали полу-официальный польский язык. Мы получали наш двухнедельный паёк и делили его поровну между всеми «перемещёнными лицами» в нашем городке. На нашу семью в пять человек в Бухлое перепали приблизительно следующие продукты, насколько я помню: 1 килограмм муки, 1 килограмм риса, 1 килограмм сахара, две баночки аргентинского «корнед бифа», две консервные баночки американской свинины с мермеладом из яйвы, две плитки чёрного шеколада по 450 грамм. Это сегодня кажется немного, но тогда это было очень много, ибо дополняло нашу немецкую диету из картошки и капусты.

Последнее «перемещение», за океан

Вскоре нам сообщили, что через два года все беженцы должны будут покинуть Германию. Кто захочет остаться после конца 1949 года в Германии потеряет статус беженца и право на помощь. Мы должны были готовиться к переезду в заокеанские страны и посему должны были записаться на бесплатные специальные для нас курсы английского или испанского языка. Я записался на оба курса, но вскоре бросил оба, ибо не понимал и не терпел никакой грамматики. Кроме того, я вообще не хотел покидать Европы и переезжать куда-то за океан. Большинство же остававшихся тогда еще в Германии русских беженцев только и мечтали о том, чтобы переехать в Северную Америку, в Канаду или в Австралию, «*подалее от Йоськи*», как они говорили. Меня же они спрашивали, что я буду делать во вражеской Германии, желающей избавиться от иностранцев, когда у меня больше не будет покровительства ООН и не будет могочисленной кампании других иностранцев. Окормлявший нас в Бухлое священник РПЦЗ тогда снова записал всех желающих ехать в Аргентину. Я не записался, но моя мама меня записала. Записанных стали вызывать в соседний городок Бад Верисхофен, где находился административный центр УНРРА, организации для беженцев при ООН. Нас там снова допрашивали и делали медицинский осмотр. У моего десятилетнего брата Олега нашли в лёгких следы повреждений от голода, и ему дали какие-то лекарства и добавочный паек. Почему-то особенно проверяли глаза, чтобы не было трахомы.

Через какое-то время, в назначенный день, за нашей группой записавшихся в Бухлое приехал американский военный грузовик. Опять та-же норма: можно брать с собой всё, что можно самим насти в руках. Опять были прощания, слёзы и большая грусть. Нас повезли в собирательный лагерь в Мюнхен, где мы пробыли несколько дней, вместе с другими группами из приходов РПЦЗ, всего около 500 человек, во время которых мне исполнился 21 год. Затем всех нас отвезли на железнодорожную станцию и посадили на приличный поезд, начальником которого был сержант Армии США, с револьвером в каубойской кобуре, который он часто вынимал, при малейшем затруднении. Повидимому ему сказали, что он должен охранять каких-то важных лиц и довести их до Парижа. Когда мы приехали на Северный вокзал в Париже он шёл впереди нас с револьвером в руке и кричал по-английски: «*эй, френш-мэн, посторонитесь!*». В Париже наша группа была размещена по разным мелким гостиницам и пробыла целую неделю. Мы должны были получить в Аргентинском посольстве паспорта Швейцарского красного креста, с аргентинской визой. Во всех паспортах было указано, что мы бесподданные, а также и наша профессия, в большинстве случаев – электрик. Это вызывало дикий восторг у некоторых бывших красноармейцев, ибо теперь, как они говорили, они больше не были ни советскими гражданами ни украинцами, а русскими белыми эмигрантами.

Через неделю нас повезли поездом в Геную. Мы смогли увидеть красоту французской Ривьеры, а в Ницце из окон мы увидели купола русского Храма. Русская церковь присутствует практически во всем мире. Какая благодать! В Генуе нас посадили на итальянский корабль Olimpia, который сразу же через пару часов вышел в море. Приблизительно через тридцать дней мы прибыли в Буэнос-Айрес. Во время этой морской поездки, на итальянском корабле, через пару дней уже был установлен интенсивный русский быт, в который были вовлечены также и итальянские матросы, включая капитана. По воскресеньям мы сдвигали столы и стулья в одной из столовых и отец Иоанн Грамолин служил Божественную Литургию. Организовался большой и хороший хор. На Богослужении присутствовали также и итальянские матросы, а их боцман был главным прислужником. Наполитанцы, калабрийцы и сицилианцы генетически, иногда лишь подсознательно, помнят, что много веков тому назад они состояли вместе с русскими в одной и той-же Царьградской юрисдикции. Почти каждый вечер состоялся маленький концерт, а после концерта – танцы. Надо было как-то забыть геречь очередного перемещения, уже тогда понимаемого, как последнего. Бывшие журналисты из СССР стали вывешивать свою стенгазету, из которой мы узнали о блокаде Берлина. При переезде экватора, был организован

колоссальный бал, с Нептуном и выбором королевы, каковой была провозглашена моя тогда 17-летняя сестра Людмила, скончавшаяся в 2010 году в Бажестере.

В авангарде Зарубежной Руси

Нас высадили в порту Буэнос-Айреса и сразу же поместили в т. н. Гостинницу эмигрантов, находившуюся рядом. Когда наш корабль причалил, мы увидели с палубы стоящего в порту священника в православном облачении и с крестом на груди. Сходя с трапа, мы подходили к нему за благословением. Кто-то его спросил, как его зовут, и он ответил: отец Филипп. Это был иезуит патер Филипп де Режи, французский аристократ и возглавитель ватиканского учреждения Восточного Обряда «Руссикум». Он прекрасно говорил по-русски и специально прибыл несколько месяцев до нас из Рима в Аргентину. Он купил маленькую типографию и начал издавать еженедельную газету на русском языке «За правду». Он очень много помогал русским беженцам, особенно с поисками работы и квартиры. На другой день было воскресенье и человек 20 из нашей группы пошли пешком в храм Святой Троицы на улице Бразиль, построенный в основном на деньги императора Николая Второго в начале XX века, по просьбе православных югославян, греков и сирийцев. Это была раньше Посольская церковь при Русском Императорском Посольстве, а её настоятель числился как аташе при этом Посольстве. Пошел и я, хотя это было около двадцати кварталов. Туда шел трамвай, но у никого из нас не было на него денег.

После богослужения мы узнали от старожилов много данных про Аргентину, а также что сюда ожидается наплыв видных лидеров Русской Эмиграции. Уже прибыл вождь народных монархистов Иван Лукьянович Солоневич, который издает еженедельную газету «Наша Страна» и видные руководители НТС Евстафий Игнатьевич Мамуков и Юрий Алексеевич Герцог, которые издают журнал «Вече». Также должны прибыть из Бельгии лидер Имперского Союза-Ордена Сахновский, и некий генерал Хольмстон, с большой свитой, из Швейцарии, который будет издавать еженедельную газету «Суворовец». Кроме того, уже прибыл, как нам сказали, присланный русскими масонскими кругами из Парижа, некий Мещерский, который стал работать в одной нефтяной английской фирме и одновременно заниматься филантропической деятельностью среди русских эмигрантов и стараться помочь нашей Церкви в юридических хлопотах. Также прибыли некоторые лидеры организации власовцев Сбонр (Союз борьбы за освобождение народов России), состоящей в своем большинстве из технической советской интеллигенции, которые однако не все состояли в РОА, но симпатизировали Власову. Также прибыло, и затем продолжало дальше прибывать, довольно много русских императорских офицеров, состоящих в РОВС-е (Русском Обще-воинском Союзе), и русских императорских и зарубежных кадет. В Аргентине жили и скончались восемь русских генералов, несколько десятков полковников, около двадцати пажей Его Императорского Величества, около сорока Георгиевских Кавалеров и более двадцати офицеров Русского Императорского Флота. Также прибыло около 300 кадет Русских Императорских и Зарубежных Кадетских Корпусов. Мы тогда поняли, что мы оказались в авангарде послевоенной Русской Эмиграции.

Первые шаги в Аргентине

В Гостиннице эмигрантов нас не плохо кормили три раза в день. Мы могли свободно из неё выходить и в неё входить между 8 и 20 часами. Нам сказали, что мы можем оставаться бесплатно в гостиннице не более 10 дней, а затем мы должны освободить наше место, ибо прибывала новая партия беженцев. Как мы дальше должны были устроиваться, без денег, без языка, без работы и, самое главное, без квартиры – это было частное дело каждого.

Помогала информация русских старожилов. Надо было читать объявления в английской и в двух немецких газетах, выходивших тогда в Буэнос-Айресе. Женщины должны были поступать прислугами к богатым аргентинцам, с условием предоставления жилища. Мужчины должны были искать по объявлениям большие постройки (фабрик и подобных объектов) и наниматься тоже с условием предоставления жилища. Тогда в Аргентине был

большой строительный бум и на постройках всюду искали рабочих. Большая группа мужчин и бездетных семейств из нашей группы устроились на постройке большой текстильной фабрики в пригороде Вижа Аделина, поездом 40 минут от порта. Им дали участок и материалы для постройки барака на 20 комнат размером в 5 на 4 метра, с условием, что на постройку должны явиться 20 человек. Среди явившихся на работы были, как мне говорили, один священник и один дьякон РПЦЗ, которого аргентинские рабочие называли «медиа кура», т. е. « полусвященник». За пару недель они построили такой барак, по памяти на немецкий манер. Мои сёстры устроились прислугами, с жилищем, в двух разных домах, а моя мама кухаркой в большом доме одного врача и депутата Аргентинского Парламента. Ей дали одну комнату, в которой могли также жить я и мой брат. Однако, я должен был работать у одного знакомого этого депутата, который оказался немцем. Я должен был связывать по дюжинам кастаньетки для детей, которые этот немец затем развозил на продажу по игрушечным магазинам. Он должен был мне давать обед и платить 10 центов за дюжину связанных кастаньеток. На обед он мне давал чашку кофе с молоком, с куском белого хлеба, сливочным маслом и мермеладом. В месяц я зарабатывал около ста пезо. Килограм хлеба тогда стоил, кажется, два пезо. Я должен был всё терпеть, ибо ни мне ни моему маленькому 10-летнему брату негде было жить.

Приблизительно через год, наши знакомые и друзья по кораблю нам сообщили, что в их бараке в Виже Аделине освобождается одна комната, и что мы можем туда переехать, что мы вскоре и сделали. Я начал искать работу по газете, и вскоре поступил чернорабочим на одну немецкую фабрику керосиновых печек и примусов, две железнодорожные станции от нас. Мои сестрички поступили рабочими на текстильную фабрику, в бараке которой мы все жили, что легитимировало наше присутствие в нём. Вскоре нам наши соседи в бараке возбужденно сообщили, что в следующее воскресенье будут продавать с молотка участки по 230 квадратных метров не месте какой-то бывшей усадьбы, в 12 кварталах от нашего барака. Тогда все новоприехавшие покупали такие участки и на них строили свои «избы», как я говорил. Все помогали друг другу, и нам тоже обещали помогать. Я купил один такой участок, за который я должен был платить в течение десяти лет ежемесячно 160 пезо, что равнялось приблизительно половине моего месячного жалования. Вскоре мы купили пару тысяч кирпичей, и тогда по субботам и воскресеньям вся наша семья, включая мою маму, при помощи двух-трёх друзей с корабля, стали строить одну комнату в 4 на 5 метров.

Приблизительно через год, в конце 1951 года, мы переехали в наш дом, пока что без пола, без потолка и без стёкол в окнах, с помпой для воды и с уборной во дворе. Наша мама была очень довольна, а значит и все мы – тоже. Я в этом доме прожил около 35-и лет, правда затем сильно расширенном. Мой младший сын Андрей родился когда я в нем жил.

Через несколько месяцев, в середине 1952 года, моя сестра Елена нашла для меня работу у одного немца из Эстонии, женатого на русской, у которого она уже работала. Он имел мастерскую, которая производила галстуки, и я должен был их развозить по всему Большому Буэнос-Айресу, а затем и получать за них деньги. Мое жалование было маленькое, но это не была грязная работа на металлургической фабрике. Другая моя сестра Людмила устроилась на лучшую работу на одной большой текстильной фабрике, недалеко от нас.

Так, через четыре года после нашего приезда в Аргентину, мы все смогли кое-как устроиться, и, самое главное, приобрести собственный скромный кров над нашей головой.

Мои первые впечатления от Аргентины

Мои первые впечатления от Аргентины и от Америки вообще были противоречивыми и не совсем ясными. Можно отметить несколько общих впечатлений:

Первое мое впечатление, уже в порту, было, что это страна без шовинизма. В этом отношении, все её жители были равны, даже если и не говорили или говорили очень плохо на испанском государственном языке. Ясно чувствовалось, что подавляющее большинство жителей столицы, да и некоторых частей аргентинских провинций, были сыновьями, внуками или потомками таких-же инмигрантов, как и мы.

Подавляющим большинством населения Аргентины являются потомки итальянских инмигрантов. Согласно серьёзным источникам, доля потомков итальянцев в Аргентине сегодня достигает до 65 или 70 процентов. Моя жена тоже является внучкой итальянцев, по отцу и по матери. Сегодняшний президент Аргентины тоже потомок итальянцев. Это откладывает сильный отпечаток на характер и стиль жизни в Аргентине. На втором месте населения, по этническому происхождению, можно считать испанцев и креолов, т. е. потомков испанских завоевателей. Местное немецкое посольство считает, что, при общем населении в Аргентине сегодня в сорок с лишним миллионов человек, этнических немцев сегодня в Аргентине около одного миллиона человек, включая «русских немцев», т. е. немцев, которые прибыли сюда из России, после столетнего в ней пребывания. В конце 19-го и в начале 20 века сюда прибыло также около 100.000 евреев из Российской Империи, главным образом из польских губерний. Притоку инмигрантов из Европы в Аргентину благоприятствовали все аргентинские правительства конца 19-го века и начала 20-го века, а затем правительство генерала Перона в середине 20 века.

Вторым моим впечатлением в Аргентине была широкая бытовая свобода. Например, меня приятно удивило большое количество продовольственных и деликатесных магазинов, открытых до 8 часов вечера, а в центре города и того позднее. В Германии же, откуда мы прибыли, все магазины тогда закрывались строго в 6 часов вечера. Кроме того, что было еще важнее, все могли исполнять и предлагать любые ремесленные услуги, что в Западной Европе тоже не всегда было свободно. Значит, все мы могли говорить, что мы электрики, механики, парикмахеры, столяры, мастера-строители и вообще, что угодно, хотя и не врачи и не инженеры, ибо эти профессии требовали обладания университетскими дипломами.

Однако, одновременно в Аргентине был сильно развит дискриминационный корпоративизм, иногда доходящий до абсурда. Никто не мог поступить тогда в никакое высшее учебное заведение без аргентинского диплома средней школы. Никто не мог подписывать никакие инженерные планы, если он не имел аргентинского университетского титула. Никакой врач не мог выписывать рецепты, если он не имел аргентинского диплома. Никто не мог быть дипломатом ни военным в Аргентине, даже если он имел гражданство Аргентины, если он в ней не родился.

Очень важно для всех нас было радушное и сердечное отношение большинства аргентинцев ко всем сожителям в стране, независимо от их национальности, а в случае нужды и нормальная человеческая помощь. Однако, большинство аргентинцев имеют мало времени для более близкого общения и для принятия гостей, как это отметил генерал фон Шварц в своих мемуарах, опубликованных в Кадетской Переключке.

Мне кажется, что это расхождение в привычках, как и другие подобные расхождения, вызваны различиями в шкале ценностей. Все четыре больших культурных мировых региона, являющихся наследниками древней греко-римской цивилизации, а именно Западная Европа, Россия, Латинская Америка и Англосаксонская Америка, в основном имеют схожие мировоззренческие ценности, ибо таковые имеют общие источники. Однако, со временем они немного перетасовались, и сегодня эти ценности занимают различные места в шкале ценностей каждого из этих регионов. Отец Филипп де Режиc мне один раз сказал, когда я его случайно встретил на одном пригородном вокзале, что Аргентина еще не находится в юрисдикции золотого тельца, но уже оказалась в его тени. Это тоже повлияло на размещение ценностей в шкале, господствующей сегодня в Аргентине.

Школа журналистики вместо юридического факультета

После разрешения жилищной проблемы, я стал думать о моем дальнейшем образовании. Я всё еще мечтал попасть на юридический факультет, но в Аргентине тогда никого не принимали ни в какой ВУЗ без аргентинского диплома средней школы. Один серб, мой новый друг Бранко Митич, сказал мне, что он знает влиятельного аргентинца, который сможет мне помочь. Я с ним несколько раз посетил юридический факультет местного

государственного университета. Но меня в него отказались принять. То же самое было и с экономическим факультетом.

Я тогда был довольно огорчён, но всё же я в глубине души надеялся, что как-нибудь мне удастся записаться на какой-нибудь факультет. Вдруг, совсем неожиданно для меня, перед мной открылись новые перспективы, которые я иногда даже считаю чудом. В начале 1953 года я уже работал на моей новой работе и развозил пакеты с галстухами и разъезжал по всему Большому Буэнос-Айресу для получения уплаты за них. В один прекрасный день, я ждал пригородного поезда на конечной станции Конституцион и вдруг на пероне я встретился с одной бывшей ученицей белградской Русской Гимназии, по фамилии Каргальская. Она была на два-три года старше меня и я её не видел с 1944 года, то есть с тех пор как я с моей семьёй покинул Белград. Мы оба очень обрадовались и, в ответ на её вопрос, я ей рассказал о моих мытарствах при поисках приёма на юридический или экономический факультеты. Она мне рассказала, что она приехала в Аргентину, кажется, на пол года раньше меня и сказала, что я должен попробовать записаться в Высшую школу журналистики, в Буэнос-Айресе. Она мне дала адрес этой Школы, и сказала, что я не должен становится в общую очередь записывающихся, а попросить аудиенцию у ректора, не говоря для чего. Сразу же после этого подошел ея поезд и она уехала без того, чтобы мы могли обменяться адресами. Больше я её никогда нигде не встречал, хотя я её искал и расспрашивал про неё всех знакомых русских.

Я пошел в эту Высшую школу журналистики и сделал так, как мне сказали. После довольно долгого ожидания, ректор Школы профессор доктор Люиз Гиль Монтожа меня принял. Я ему рассказал вкратце всю правду и сказал, что я очень хочу учиться. Он мне сказал, что примет меня без всяких бумаг, если я сдам через месяц экзамен по испанскому языку. Я должен буду написать под диктовку одну страницу какого-нибудь испанского писателя-классика, а затем сделать синтаксический и морфологический анализ двух фраз из этой диктовки. Этот экзамен возмёт у меня лучший профессор испанской литературы их Школы. Так оно и было. Я целый месяц усиленно изучал испанскую грамматику, а затем кое-как сдал этот экзамен по испанскому языку, через четыре с половиной года после моего приезда в Аргентину и моего с ним контакта.

В начале апреля 1953 года я начал каждый день ходить в эту школу, от семи до десяти часов вечера. Школа была платная. Присутствие было обязательным. Для сдачи годовых экзаменов требовалось более 80% присутствия. Я работал до шести часов вечера, а затем шел в Школу. После Школы я почти полтора часа ехал домой, На другой день, я должен был быть на работе в 8 часов утра. Программа в Школе мне показалась более интересной, чем я ожидал, и по моему вкусу. Было много общих предметов. Таких, например, как философия, психология, история культуры и т. д. Школа и профессора были в основном римокатолической ориентации, но в Школе учились и протестанты, иудеи, православные и даже неверующие, без дискриминаций. Тогда это была одна из двух подобных школ во всей Аргентине. (Другая была в Ля Плате, столице провинции Буэнос-Айрес). В моем классе было около ста учеников. Все они относились ко мне по товарищески и дружелюбно и помогали мне в практических работах, в которых требовалось хорошее знание испанского языка. Я был единственным иностранцем в мем классе.

В конце первого года я удачно сдал все экзамены. В следующем году, я запоздал на несколько минут на первый урок, и когда я сел на мое место, я увидел рядом со мной незнакомую мне до этого студентку. Оказывается, она училась до этого в первом классе несколько лет раньше, а затем прервала учение из-за болезни матери, ибо она была единственная дочь. Её звали Анна Люиза Баукиеро (Ana Luisa Bauchiero). Она была на несколько лет моложе меня. Она уже работала бухгалтером на одном текстильном заводе. Она мне стала много помогать в письменных работах по-испански, а я ей помогал в таких предметах как философия, психология и история. Между нами никогда ничего не было, но когда мы в конце 1955 года сдали все заключительные экзамены и получили дипломы, я ей сделал предложение, а затем попросил её руки у её отца. Я поставил лишь три условия: если

будут дети, они будут православные; я всегда буду ставить на первое место служение России; она не должна курить в будущем (хотя она и не курила). Через два года мы повенчались в январе 1958 года в Воскресенском Кафедральном Соборе РПЦЗ. С тех пор мы живем дружно и счастливо более шестидесяти лет, и у нас три сына и четыре внучки и один внук. Все православные. Слава Богу. Я от неё никогда не требовал перехода в Православие, но через пару десятков лет она сама решила перейти в Православие, хотя она и до этого всегда ходила со мной регулярно в Храмы Русской Зарубежной Православной Церкви.

Моя служебная карьера в Аргентине

В тот же самый год, когда я кончил Высшую школу журналистики, во второй половине 1956 года мне удалось перейти на лучшую и лучше оплачиваемую работу. В этом мне опять же помогла моя младшая сестра Елена. Она познакомилась с одним русским эмигрантом из Парижа, который работал начальником кадров на одном немецком металлургическом заводе. Она спросила его не может ли он меня устроить служащим на этот завод. Оказывается, они тогда искали переводчика с немецкого на испанский язык, для перевода писем президента этой фирмы. Я не имел диплома переводчика (который в Аргентине выдают некоторые университеты, после четырёх или пяти лет учёбы), но в данном случае сошёл мой диплом журналиста.

Моя иная работа принесла большие перемены в моей жизни в Аргентине. Мое жалованье выросло с 1000 песо в месяц до 1800 песо. На работу нужно было приходиться в галстухе и пиджаке, даже в жару. На обед все служащие шли гурьбой в ближайший ресторан, в том числе и я, и тогда я впервые в Аргентине стал наедаться досыта. Один из двух хозяев, главный директор и президент, был из Вены, с довольно трудным характером, с тенденцией кричать за малейшей промах. Он мне диктовал каждый день несколько длинных и часто скандальных писем по-немецки, и я должен был через несколько часов представить ему черновик моего перевода на испанский. Вскоре он стал брать меня одним из двух или трёх сопровождающих в его поездки в центр города, в банки и к нашему главному клиенту. Меня мои новые коллеги по работе предупредили, что с ним нельзя спорить, даже если он начнёт нести чушь. Я, однако, иногда не выдерживал.

В это время я записался на философский факультет, ибо меня стала сильно интересовать философия, частично под влиянием трудов испанского философа Ортега-и-Гассет. Однако мне было очень трудно совмещать мою работу с учёбой, так что я через три года прекратил это учение.

Вскоре после этого, бухгалтер-немец нашей фирмы (из более чем 220 рабочих и служащих в ней более половины были прибывшие после войны иностранцы, главным образом немцы, австрийцы и чехословаки, но были и югославы, итальянцы, а шеф персонала был русский из Парижа) подрался с кем-то в баре, где он обедал. Его кто-то стукнул бутылкой пива по голове и карета скорой помощи отвезла его в госпиталь, где он пролежал чуть-ла не два месяца. Ему уже было около 60-лет, и он всю жизнь работал бухгалтером. Наш президент впал в ярость, но вскоре нашел выход из положения. Под крик «*Die Russen koennen alles*» («русские могут всё») он приказал позвать меня и объявил мне, что с этого момента я являюсь бухгалтером фирмы. Я стал протестовать, говоря, что я ни одного часа в моей жизни не учился бухгалтерии и ни одного часа не работал в этой области. Он мне ответил, что он меня научит. Если же я откажусь, я должен немедленно покинуть его фирму, ибо тогда я ему больше не нужен. Я недавно женился и у нас еще не было собственной квартиры, так что я быстро, по-суворовски, принял решение. Я громко прокричал: яволь! (так точно). Мне тут-же немного прибавили жалованье и я стал работать по два-три часа больше каждый день и изучать эту новую для меня профессию. Мне очень помогло то обстоятельство, что моя жена имела бухгалтерское образование, до журналистического, и работала бухгалтером несколько лет. Она мне много помогала. Затем, когда через два месяца вернулся прежний бухгалтер, он стал делать свою прежнюю работу, но больше бухгалтером не числился, ибо таковым стал я. Я к нему относился с уважением и сказал ему, что я не

виноват в таком положении. Он меня успокоил, и сказал мне, что он всё знает и всё понимает. Мы постепенно разделили между нами нашу работу: он продолжал заниматься бухгалтерией, а я банками и вообще финансами. Через пару лет, хозяин-президент (другой хозяин, немец из Западной Германии, тоже имевший 50 процентов капитала, работал по технической части) уезжал за границу по делам. Перед отъездом он назначил меня финансово-административным управляющим, с правом подписывать единолично от имени фирмы чеки и векселя. Я проработал в этой фирме 24 года, до 1980 года, когда она закрылась. Работа была очень тяжелая. Особенно в годы циклических в Аргентине кризисов. Я всегда работал от 9 до 10 часов в сутки, а иногда и больше. Но я иногда получал премии, на которые я мог значительно расширить наш дом, построенный еще в пятидесятых годах, а затем купить маленький поддержанный автомобиль. Эта фирма закрылась окончательно в конце 1980 года и я остался безработным.

Через пол года я нашел новую работу, по объявлению в немецкой газете. Хозяин тоже был немец. Но среди персонала (60 человек) не было ни одного иностранца, кроме меня. Все были аргентинцы. Это оказалось для меня весьма затрудняющим обстоятельством, ибо вся атмосфера была иная. Однако работа была для меня интересной, ибо я должен был администрировать крупные суммы денег. Я был финансово-административным управляющим и должен был навести порядок в этих секторах, в которых с годами накопилось массу упущений и много беспорядка. Мое жалование было хорошим, лучше чем на предыдущей работе.

Через четыре года я решил бросить эту работу. Так как мне нехватало еще несколько лет для выхода на пенсию, я поступил работать на пол дня администратором в одну русскую старческую клинику, в которой было интернировано от 16 до 18 русских стариков и старушек и работало около 8 человек персонала, смешанного состава. Работа была не совсем подходящей для меня, но доставляла мне некоторое удовольствие, ибо я получил возможность баловать разными способами милых и хороших русских эмигрантов-старичков. В 1989 году я вышел на пенсию, и с тех пор я больше нигде не работал за плату, а лишь иногда бесплатно на русской общественной ниве.

Русская общественная деятельность в Аргентине

Первых десять лет в Аргентине я не занимался никакой русской общественной деятельностью. Я был просто не в состоянии это делать, хотя я более или менее регулярно участвовал в годовых общих собраниях прихода нашего Воскресенского Кафедрального Собора РПЦЗ. Кроме всего прочего, моя мать относилась очень скептически к общественным делам. Однако, через пару месяцев после моей свадьбы в январе 1958 года, меня стали упрашивать преподавать русскую историю в открывающейся тогда Школе и Гимназии русской скаутской организации ОРЮР. Я согласился и стал давать два урока по субботам течение тридцати двух лет, безвозмездно. Несколько лет я преподавал также в старших классах Гимназии государственное и Закон Божий. В середине шестидесятых годов меня выбрали членом Епархиального Совета РПЦЗ в Аргентине. Несколько лет я был также членом комитета нашей Епархии по проверке переводов церковных текстов а также и Церковного суда Аргентинской Епархии.

С 1970 года я сотрудничал в еженедельной русской газете «Наша Страна», до 1995 года, тоже абсолютно безвозмездно. Я за эти 25 лет написал около 350 передовиц и статей для этой газеты, кроме еженедельных колонок. После смерти владелицы и редактора этой газеты, Татьяны Владимировны Дубровской, я был почти 12 лет членом её Редколлегии. Приблизительно в это же время меня выбрали вице-председателем Кадетского Объединения в Аргентине. В 1976 году я поехал вместе с моей женой на Пятый Кадетский Съезд, состоявшийся в Монреале. Для этого, чтобы иметь аргентинский паспорт для получения американской и канадской виз, я принял Аргентинское гражданство. До этого я не имел никогда никакого гражданства, а был «бесподданным», с т. н. «паспортом Нансена», как и мои родители и мои сестры и мой брат.

В 1980 году я стал членом «Аргентинского Общества эллинской культуры». Раз в месяц я стал ходить на собрания этого общества, а затем и читать доклады по-испански на исторические темы, связанные с Грецией или с Византией. В начале 90-ых годов меня выбрали вице-председателем, а в 2003 году председателем этого культурно-просветительского общества, каковым я продолжаю быть и сегодня.

В 1995 году я начал издавать бюллетень «Кадетское письмо», приблизительно четыре раза в год, которое выходит до сих пор. Последний номер 105 вышел в июле сего года. Между 2003-м и 2009-м годами я редактировал последних семь номеров ежегодного альманаха «Кадетская переключка», издававшегося Нью-Йоркским Кадетским Объединением. Это было особенно утомительная и большая работа, ибо этот толстый журнал имел более 360 страниц. Печатался он в США, но большинство его тиража направлялось в Россию.

Более подробные детали моей общественной деятельности в Аргентине можно прочесть в моей автобиографической записке, помещенной на моем личном блоге.

Временные периодические возвращения из Эмиграции в Россию

В 1992 году я впервые поехал в Россию, на встречу с суворовцами и нахимовцами, организованную Сан-францисским кадетским объединением. Встреча началась в Москве, а затем мы все поплыли на параходе в Санкт-Петербург. Возвращались мы в Москву на ночном поезде. В этой встрече принимало участие приблизительно по сто человек с каждой стороны, насколько я помню. Встреча была очень эмоциональной и радостной.

Когда мы посещали Троице-Сергиеву Лавру, пришло не мало журналистов и фотографов. Один из них меня спросил, почему мы, русские эмигранты, не возвращаемся в Россию. Я ему ответил, что многие уже очень стары и ничего сами не могут предпринимать. Но, самое главное, это тот факт, что нас никто не приглашал и не звал. Даже с получением временной визы, у многих из нас были часто затруднения. Например, мне лично выдали тогда в консульстве РФ в Буэнос-Айресе визу лишь на 30 дней, хотя я просил её на 60 дней, ибо меня тогда просили из Академгородка в Сибири прочесть у них пару докладов после встречи. Когда же я просил визу в Канаду или в США, то мне неизменно всегда давали её на 90 дней, даже если я просил меньше дней. После трёх моих поездок на Кадетские съезды в эти страны, мне даже дали, без моей просьбы, пожизненные визы, которые затем, однако были вообще упразднены и заменены 10-летними визами. В западноевропейские страны с аргентинским паспортом вообще не требовалось визы. Из моих семи поездок с моей женой в Россию, в пяти случаях я имел какие-то затруднения с визой. Лишь последние две мои поездки в Россию были без затруднений: когда я ехал, как делегат от Южноамериканской епархии РПЦЗ на Поместный Собор РПЦ, на котором выбирали теперешнего Патриарха, мне дали визу быстро и легко. Когда я ехал на IV Съезд Суворовцев в Хабаровске и Владивостоке, в 1914 году, визы между Аргентиной и РФ уже были отменены.

На Кадетский съезд в Монтеале, в Канаде, в 2000 году прибыл тогдашний Министр Иностранных дел РФ. На заседании Министра с председателями кадетских объединений, этот вопрос тоже был затронут. Зарубежные кадеты тогда попросили министра как-то облегчить поездки зарубежных кадет в Россию на Суворовские съезды и на иные кадетские мероприятия. Подымался вопрос о двойном гражданстве или о выдаче постоянных или более долгих виз. Тогда было предложено зарубежным кадетам прислать фотокопии своих паспортов в Консульство РФ в Монреале, через местные посольства. Я тогда лично передал фотокопии моих документов послу РФ в Аргентине, но больше никогда никакого ответа не получил. Один дипломат мне тогда сказал, что «бюрократические недра» МИД-а РФ не были согласны с нашей просьбой.

Через почти 15 лет, видные руководители суворовцев в РФ мне посоветовали написать письмо лично президенту РФ, с просьбой вернуть мне гражданство моего отца, которого он был лишён во время Гражданской войны. Я это сделал, и послал это письмо через суворовские инстанции, но никогда никакого ответа я не получил. Некоторые зарубежные кадеты мне тогда сказали, что так лучше. Нас признали русскими соотечественниками РПЦ и

ветеранские организации суворовцев и нахимовцев, и этого достаточно. Если же само государство нас еще не может таковыми признать, то это лишь подтверждает, что это государство еще имеет гибридный характер, некоторые составляющие элементы которого нас не считают таковыми. Если бы они нас признали, то можно было бы утверждать, что мы тоже признаем эти элементы, в том числе и звезды Троцкого и главный коммунистический тотем на Красной площади, хотя это, конечно, не так. Я лично был членом Поместного Собора 2007 года РПЦ, и этого для меня достаточно.

Вообще, нужно отчетливо указать, что после закрытия РОВС-а в 2000-м году и после канонического объединения РПЦ и РПЦЗ в 2007-м году, русская политическая эмиграция, как таковая, юридически перестала существовать. Как было неоднократно отмечено в Кадетском письме, Русская политическая белая эмиграция была учреждена РПЦЗ и РОВС-ом. Её дожившая до этого момента часть сегодня стала частью Зарубежной Руси, ибо учредившие её инстанции изменили коренным образом свои позиции по этому вопросу и отказались от оппозиции и враждебности по отношению к современной государственной власти в России, которая уже не является прежней узурпаторской и диктаторской властью. Хотя все бывшие русские эмигранты имеют право высказывать свои мнения и даже несогласия с современной властью, как и сами граждане, подвластные этой власти, но они уже не эмигранты. Если же им не возвращают их гражданства, то они юридически превращаются из эмигрантов в изгнанников,

Значит, Русская эмиграция как таковая больше юридически не существует, хотя де-факто некоторые потомки членов таковой могут себя так именовать. Юридически все потомки Русской белой эмиграции имеют право требовать возвращения им незаконно отнятого у их отцов русского гражданства. В случае отказа, без ясных и справедливых причин, они становятся изгнанниками, в рамках Зарубежной Руси.

Заключение

В заключение, мне кажется, что я должен ответить на вопрос, доволен ли я моей 70-летней жизнью в Аргентине. Ответить на подобный вопрос не легко, ибо ответ весьма сложный, и глубоко личный. Конечно, я не доволен тем, что я не мог жить свободно ни в России, Родине моей матери и моего отца, ни в Югославии, где я сам родился и где родились мои сёстры и мой брат. Однако, я доволен тем, что я не остался в Германии, ни переехал в англосаксонские страны.

После такого моего заявления, меня иногда спрашивают: если не в Германии, то может быть я хотел бы остаться в Западной Европе в какой-нибудь другой стране? Я думаю, что я хотел бы жить, пожалуй, только в Италии, но все подобные ответы зависят от многих обстоятельств.

А хотел бы я жить в какой-нибудь другой латиноамериканской стране? Я более или менее знаю характер жителей почти всех латиноамериканских стран, и отношусь ко всем с немалой симпатией, но жить бы мне нравилось лишь в одной из всех этих стран, кроме Аргентины, а именно в Уругвае. Эта бывшая часть Вицекоролевства Рио-де-ла-Плата, т. е. сегодняшней Аргентины, лежит на берегу моря, причем лесистого, с однородным населением, состоящим в большинстве из креолов и потомков итальянцев, хотя есть и другие незначительные меньшинства, но практически нет, как и в Аргентине, ни азиатских ни африканских меньшинств, хотя мне лично они не мешают. Я частично и живу в Уругвае уже полвека, ибо с 1966 года я ежегодно провожу один месяц летом в Уругвае. Кроме того, там уже несколько лет живут мой средний сын Александр со своей женой и мои две внучки: Любя и Кира. Это спокойная и культурная европейская страна в Южной Америке, с хорошей инфраструктурой, с хорошим климатом и красивыми пейзажами.

Меня также иногда спрашивают, почему я не хотел эмигрировать в США или в Канаду, тем более, что это было тогда, после войны, возможно для военных беженцев? Я до сих пор не хотел отвечать в большинстве случаев на подобные вопросы, но сегодня я считаю своим долгом быть искренним в моем ответе. В США я не хотел ехать по нескольким причинам.

Одна из них следующая. На Православную Пасху 1944 года сотни, а может быть и тысячи, американских самолетов сбрасывали на меня и на жителей православного Белграда в течение целого часа свои бомбы, хотя Сербия была союзницей США. Никаких немецких учреждений а тем более немецких военных объектов тогда в центре Белграда не было. От моего дома до русской церкви в центре города нужно было идти пешком около часа, ибо эта ветка трамваев во время войны не работала. За всё время, пока я шел в русскую церковь, на мирное население Белграда, празднующего Пасху, падали бомбы. Никаких немцев ни немецких объектов по моей дороге не было. Сначала сербы кричали: *это наши союзники летят!* Вскоре они замолчали. Несколько моих русских и сербских друзей тогда погибло. Эти бомбардировки продолжались затем до моего отъезда из Белграда, в начале сентября 1944 года. Затем, уже во время моих скитаний с моей семьёй, я не однажды попадал под обстрел англо-американских самолётов, особенно во время перемещений на беженских поездах. Так вот, я не хочу жить вместе с теми, кто меня столько раз бомбардировал. Кроме того, мне не нравится идеологическая и политическая атмосфера в англосаксонских странах. Я в них чувствую какую-то тоталитарную идеологическую атмосферу. Я наблюдал подобное чувство и у многих послевоенных европейских беженцев, переехавших в США.

В Аргентине я всегда чувствовал себя свободным. Никакого идеологического или мировоззренческого гнёта я здесь никогда не чувствовал. Больше того, я всегда свободно всюду высказывал мои личные мировоззренческие мнения, и во время учёбы и на работе, и никто никогда меня за это не порицал, хотя часто и высказывали свое полное или частичное несогласие со мной. Но меня это тоже не раздражало. Я почти сорок лет являюсь активным членом Аргентинского общества эллинской культуры, а с 2003 года меня выбрали его председателем. Всё это время я ежегодно читаю несколько публичных докладов на исторические темы, на испанском языке, в рамках которых я часто высказываю спорные мнения, но за это никто никогда меня публично не осуждал. Когда я во время моих поездок в Германию из Аргентины высказывал в закрытых интеллектуальных кругах подобные мнения, я часто (но не всегда) натывался опять же на схожий идеологический тоталитаризм, как и в США, иногда неприятный.

Под конец, я еще хочу отметить, что в Аргентине я полностью прикоснулся к большому Латинскому миру, состоящему не только из Латиноамериканских стран, но также из Испании, Италии, Франции и Португалии. Испанская классическая литература является мировым шедевром, особенно испанская поэзия. Испанские философы XX века, в первую очередь Ортега-и-Гасет, являются авангардом мировой философии. Про Францию нет необходимости что-то говорить. Португалия тоже очень интересная страна. Всех превосходит Италия. В Италии началось культурное Возрождение Западной Европы, возникшее благодаря влиянию тогдашней православной греческой Калабрии и эмигрантов из Византии. Я бывал в очень маленьких итальянских городках, и видел в их книжных магазинах такие книги, самых разных отраслей, которые не всегда можно увидеть и в больших городах многих стран. Я получил широкий доступ, благодаря моей жизни в Аргентине, не только к испанским и итальянским мирам, но и ко всей романской культуре.

И. Н. Андрушкевич

Кадетское письмо № 106. Буэнос-Айрес, сентябрь 2018 года. XXIII год издания.

Бюллетень русских зарубежных кадет. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса. Не издавался с 1961 года. С ноября 1995 г. выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. Ссылка на источник обязательна.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. **Электронный адрес:** kadetpismo@hotmail.com

Некоторые предыдущие номера КП помещены на блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>